
Глава 22.

1917 год

Развал ширился. Росли, раздражая особенно городскую часть населения, продовольственные затруднения. Бестолковые распоряжения неспособного, растерявшегося правительства их только усугубляли. В тылу армий царил хаос. Снабжения и снаряжения недоставало. Бойцам осточертели окопы. Ружей едва хватало для частей войск, выдвинутых на фронте. Запасные, мобилизованные в количествах, превышавших тот контингент, который можно было вооружить, повторяли забытые ружейные приемы с палками в руках. Большую часть времени, озлобленные отрывом от земли, без дела, без толку шатались по городам, обезлюдив своим отсутствием деревню, остававшуюся на женщинах, стариках и детях. Фабрично-заводские рабочие были накалены до степени, близкой к революционному взрыву. Революция наступала и в казармах запасных батальонов. Подогревали настроение распропагандированные в германском и австрийском плену возвращавшиеся из плена больные, раненые и увечные наши воины. Охвачены были революционной волною земства, города, Союз земств и городов, думская общественность, всякие иные общественные группировки. Скопилось столько горючего материала, что в любую минуту случайная искра могла разжечь неугасимый пожар.

Взбунтовался... даже Сенат. Царь подписал представленный ему Протопоповым проект указа Сенату о назначении товарищем министра внутренних дел Курлова. Сенат ввиду одиозности Курлова отказался вынести требовавшееся постановление об опубликовании указа. Случай, не имевший прецедента! Царь на отказ Сената ничем не реагировал. Курлову было предложено заняться делами министерства «частным» образом, в качестве частного советника, без права подписи и выступления в высших государственных установлениях¹.

На 1 января состав членов Государственного совета по назначению был пополнен лицами наиболее реакционного направления. Председателем Государственного совета был назначен бывший министр юстиции Щегловитов².

В течение января был уволен недолго продержавшийся у власти военный министр Шуваев. На его место был назначен начальник Главного штаба генерал Беляев — человек, по отзывам лиц, знавших его, посредственный и лишенный

инициативы. Тогда же был назначен послом в Лондон Сергей Дмитриевич Сазонов взамен умершего графа Бенкендорфа³.

Н. Н. Покровский чувствовал себя на своем новом посту нехорошо. Ввиду большой нашей близости он мне рассказывал о каждом своем докладе царю. После доклада текущих дел Н. Н. всякий раз ему указывал на гибельность внутренней нашей политики. Говорил о неизбежности революции, если не последует изменения внутреннего курса и не будет уволен вызывающий своими действиями крайнее раздражение всей общественности Протопопов. Выслушав стереотипный ответ царя, что оснований к этому не видит, Покровский неизменно оканчивал свой доклад просьбой об увольнении, чтобы не быть вынужденным ввиду неизбежности все-таки, по его мнению, революции приложить руку в качестве министра иностранных дел к заключению «позорного мира». Царь всякий раз отвечал: «Вы неправильно осведомлены; никакой революции не будет; о вашей просьбе подумаю, подождите».

В тех же буквально выражениях повторялись заключительные слова докладов министра и реплики царя вплоть до последнего доклада в половине февраля, когда царь отправился в последний раз в Ставку.

Что творилось в эти последние дни в Царском, об этом в то время слышать не приходилось. Теперь приходится читать, что не была оставлена мысль о заключении сепаратного мира⁴. Делались будто бы предложения неприятельской стороне заключить такой мир. Будто бы для создания видимости, что к такому миру русское правительство вынуждается революцией, Протопопов провоцировал беспорядки, подготовив казавшиеся ему достаточными и надежными средства для своевременного последующего их подавления. *Последнее предположение — преднамеренное провоцирование революции — представляется совершенно неправдоподобным.*

По этому поводу следует иметь в виду, что тогдашний министр иностранных дел прямодушный Н. Н. Покровский был настолько педантически честным человеком, что со своей стороны считал сепаратный мир, даже вынужденный революцией, позорным и в своих докладах царю решительно отмежевывался от самой эвентуальности соучастия в заключении подобного мира. Поэтому можно положительно утверждать (по моей близости к Н. Н. я это знаю наверное), что если и были в Царском предприняты в феврале какие-либо шаги к заключению сепаратного мира, то ни в каком случае не по почину, даже не с ведома, а помимо тогдашнего главы дипломатического ведомства. Прецеденты сношений по делам внешней политики через голову министра иностранных дел, однако, были. Достаточно вспомнить безобразовский комитет, творивший перед японскою войною нашу дальневосточную политику через голову графа Ламздорфа⁵. Поэтому через голову Покровского попытки заключить сепаратный мир могли быть предприняты.

* * * * *

В январе под председательством Н. Н. Покровского заседала собравшаяся в Петербурге конференция союзников⁶. Обсуждались вопросы о согласовании военных действий союзных армий, об обеспечении русских армий боевым сна-

ряжением, об облегчении России производства платежей по военным заказам и закупкам за границу, об удовлетворении других наших финансовых потребностей. Из вопросов политических рассматривался вопрос о том, чтобы склонить Японию к более эффективному сотрудничеству с союзниками — отправкою японских войск на театр военных действий и усилением снабжения Японией русских армий военным снаряжением. Соображался также вопрос о мерах к восстановлению боеспособности сербской армии. Продолжительные прения вызвало положение, занятое Грецией по отношению к войне. В войну Греция вовлечь себя не давала ни той, ни другой стороне из бelligерентов. Но нейтралитет ее не был действительным. Королевское правительство тяготело к центральным державам. К союзникам Греция относилась недоброжелательно. Этим создавалась угроза салоницкой армии союзников. Имели даже место враждебные выступления по отношению к ней со стороны греческих войск и местного населения. На это союзники ответили предъявлением ультиматума королевскому правительству и объявлением блокады Греции. Положение создалось напряженное. Принятие против Греции решительных мер, т<о> е<сть> попросту военного воздействия, признавалось нежелательным. Не входило в виды союзников создавать себе лишнего противника в усиление враждебной коалиции. С другой стороны, снятие блокады открывало бы Греции возможность накоплением продовольственных запасов подготовиться к войне и, вступив в коалицию, враждебную союзникам, нанести удар салоницкой армии. Признавалось желательным, не снимая блокады, лишь несколько ее ослабить, пропуская в Грецию продовольствие для потребностей населения в ограниченных количествах, не дающих возможности накопления запасов.

Конференция протекала в атмосфере подавленности и удручения. Чувствовалась близость катастрофы, имевшей смести ту власть, от имени которой выступали в конференции русские представители и с которою договаривались иностранные делегаты. Не верилось, что эта власть додержится до момента осуществления обсуждавшихся мер. Поэтому прения об этих мерах велись формально и неискренне. Конференция вышла бледная и вялая.

* * * * *

Около 20 февраля по вызову бюджетной комиссии Государственной думы я отправился в заседание этой комиссии давать объяснения по смете ведомства. Для объяснений по обычно задававшимся в связи со сметой вопросам специфически политического характера со мною отправились второй товарищ министра Александр Александрович Половцов и в помощь ему *умный и* весьма осведомленный в политических делах в общем ведомственном их масштабе начальник политического отдела Ближнего Востока Александр Михайлович Петряев. Последний недавно перед тем заменил умного и симпатичного Константина Николаевича Гулькевича, назначенного посланником в Стокгольм. В центральное ведомство Петряев был назначен с должности нашего комиссара в Албании.

Вследствие ли встречи с представителями приемлемого ведомства, возглавлявшегося единственно достойным во мнении Думы министром, Н. Н. Покровским, по причине ли усталости от вечного пафоса негодования, настроение

в бюджетной комиссии было тихое и спокойное. По внешности ничто не предвещало того катаклизма, от которого нас отделяла всего лишь одна с небольшим неделя. И Павел Николаевич Милюков любезно и благожелательно допрашивал нас о наших делах, едва ли думая, что всего через какие-нибудь десять дней осуществится наконец его давнишняя мечта стать нашим министром — не в путях эволюции, как он мечтал, а все-таки революции. Мы так легко договаривались, такой у нас установился общий язык, что казалось, если и случится революция, но такая, которая приведет к смене царской власти властью правительства, составленного из милюковых, то нам не придется начинать с этим правительством новый разговор, а предстоит лишь продолжать прежние, ставшие уже привычными беседы. Большинство, определенно предвидя революцию, не мыслило в ослеплении своем правительства «левее» милюковского толка.

* * * * *

Когда началось то предчувствовавшееся, неминуемое, мы сразу не поняли, что это именно то⁷. Вспыхнули волнения на почве недостатка продовольствия. Толпы, двигавшиеся с окраин, требовали хлеба. Кое-где громились продовольственные лавки. Это происходило 23 и 24 февраля. А 25 числа забастовали фабрики и заводы. Остановился трамвай. Образовались шествия с красными флагами, прорывавшиеся к центру города. Преграждали им путь полиция и войска. Произошли столкновения. Началась стрельба. Она усилилась на следующий день — 26-го, в связи с вовлечением в революционные демонстрации все больших народных масс. Наиболее серьезные столкновения с пролитием крови произошли на Знаменской площади.

В описываемые дни я продолжал жить в Неклюдовском доме на Кирочной улице на углу Потемкинской, наискось от Кирочных Преображенских казарм. Я получил право на казенную квартиру в доме министерства на Мойке, рядом с Певческой^а капеллюю. Но так случилось, что она была занята лазаретом^а. И лишь в последнее время зашла речь о переводе его в другое, более обширное помещение, после чего я мог бы въехать в эту квартиру. Но пока приходилось оставаться в доме Неклюдовых на Кирочной. 27-го утром в одиннадцатом часу я по обыкновению отправился из дому в министерство. Трамваев не было, извозчиков тоже. Двинулся пешком. На улицах было тихо и спокойно. Не только не было признаков опасности положения, но и ничто, кроме разве отсутствия извозчиков и трамваев, не говорило о наличии беспорядков в городе. Необычным было лишь то, что когда я пытался выйти через Воскресенский проспект на Неву (почему-то захотелось пройти кружным путем по набережной), то меня остановил конный городской, заявив, что на набережную публику не пускают. Очевидно, принимались меры воспрепятствования рабочим демонстрациям проникнуть в центральную часть города через Литейный мост, и скопление публики на набережной перед мостом

^{а-а} Вписано вместо: «капеллюю, занимавшуюся ранее Арцимовичем. Но предшественник мой Фан дер Флит, имевший собственный дом на Галерной улице, когда был назначен директором, отдал эту попавшую в его распоряжение квартиру под лазарет. И последний в ней оставался, когда право на квартиру перешло ко мне».

признавалось нежелательным. И все-таки не мыслилось, что наступает то большое и страшное, что знаменовало всеми ожидавшуюся катастрофу в результате достигшего крайнего напряжения кризиса власти. Накануне мы с женою проводили вечер у Покровских. Николай Николаевич в качестве члена правительства был, конечно, в курсе событий. По его словам, они обсуждались днем в Совете министров. И правительство расценивало их как только беспорядки на почве продовольственных затруднений, отвергая пока что эффективность факторов, пытавшихся разжечь беспорядки в революционный пожар. По части продовольствия принимались экстренные меры к удовлетворению им потребностей населения. И ожидалось, что беспорядки минуют. Так расценивало события правительство⁸. Более серьезно относился к беспорядкам посетивший в этот вечер Покровских жандармский генерал Волков, двоюродный брат Екатерины Петровны. Но и он не видел в этих именно беспорядках того большого выступления, которое решит судьбу царской России. Не предчувствовал, что ему самому суждено всего через каких-нибудь два дня пасть одной из первых кровавых жертв революционной бури.

Не успел я, придя в министерство, расположиться у себя в кабинете и обозреть почту, ожидавшую меня на письменном столе, как вошел курьер и сообщил, что меня вызывает к телефону моя жена. Она телефонировала, что из расположенных напротив нашей квартиры Преображенских казарм (временно занимавшихся запасными батальонами Кексгольмского и Вольнского полков) толпами высыпали солдаты и, неистово крича, открыли беспорядочную стрельбу по улице⁹. Я отвечал просьбою отвести детей и самой жене укрыться во внутренние комнаты, выходящие окнами во двор, спокойно выждать дальнейших событий, в случае чего нового телефонировать мне. Вернувшись в кабинет, я позвонил оттуда по телефону внутреннего сообщения Покровскому и передал ему сообщение жены. Николай Николаевич ответил, что о том, что происходит, правительство уже осведомлено. Ему только что звонили. «Очевидно (?), принимаются меры (?)». Через какие-нибудь полчаса о происходивших событиях в министерстве знали уже все. Передавалось, что восстали несколько полков. Между ними и частями, остававшимися *еще* верными власти, произошли столкновения. Одни части стреляли в другие. Восставшие войска овладели арсеналом. Вооружали рабочих. По городу носились грузовики с вооруженными людьми. В них стреляли, и они стреляли. На улицах были убитые и раненые. Впоследствии выяснилось, что по городу во многих местах, преимущественно в чердачных помещениях, были устроены пикеты полиции, снабженные пулеметами. Полиция расстреливала восставшие войска и народ. Были разгромлены суд, полицейские участки, тюрьмы. Заключение освобождены.

Покровский мне телефонировал, чтобы ввиду стрельбы на улицах я отнюдь не вздумал идти по окончании присутствия домой. «Пообедайте у нас. Мы уже телефонировали вашей супруге, что не пустим вас. Она вас не ждет. А там к вечеру видно будет».

Окна моего кабинета выходили на Дворцовую площадь. Около 4-х часов с Миллионной показались войска. В порядке, стройными рядами они вливались ускоренным шагом в центральные ворота Зимнего дворца. Войск набралось много. Они дефилировали мимо наших окон, казалось, без конца. Прошел какой-нибудь час. Ворота Зимнего дворца распахнулись. Беспорядочными толпами врассыпную войска выливались обратно.

Когда я прошел внутренними переходами в квартиру Покровского, то стал его и его семью в состоянии крайней подавленности. Не оставалось места никаким уже сомнениям в значении того, что происходило. И нарастал страх. Тот страх, который сосет под ложечкой и обдает ознобом кожу. Деланными были привычные приветственные улыбки. Обрывался фальшивый разговор о предметах, чуждых тому большому, главному, что случилось, от чего не могла отвязаться мысль, полная мучительной тревоги. Мы нехотя, без аппетита пообедали. Курьеры принесли известие, что стрельба на улицах не прекращается.

Я прошел в свой кабинет в департаменте. Была уже ночь. Дворцовая площадь тонула во тьме. Зажглись два круглых глаза медленно двигавшегося авто. К подъезду нашему, выходящему на площадь, подкатил броневик. Застопорил машину, дышавшую гулками короткими взрывами. И, покрывая их, затрещал в броневике пулемет. Идти домой было еще опасно.

Вернулся к Покровским. Николая Николаевича вызвали на экстренное заседание Совета министров в Мариинский дворец. «Попробую пробраться, теперь не так страшно», — успокаивал Николай Николаевич свою жену. «А вы, — обратился он ко мне, — переночуйте у нас. У вас нет такой экстренности выходить. И идти вам — большой конец. Больше риска. Ложитесь-ка спать».

Мы напились чаю. Проводили Николая Николаевича. Екатерина Петровна, конечно, волновалась. Несколько погодя я с нею простился и пошел прилечь в приготовленную мне для ночлега одну из многочисленных комнат квартиры министра.

Я погрузился в тяжелый, тревожный сон.

«Вставайте». Передо мной у кровати стоял Николай Николаевич. «Никакого заседания не было. Нас хотели арестовать. Едва разбежались. Я отсиживался несколько часов в подвале. Насилу пробрался закоулками домой. Прежнего правительства нет. Власть перешла к Государственной думе. Она выделила исполнительный комитет, который всем и распоряжается. Стрельба шла всю ночь. Теперь стихла. Если хотите воспользоваться моментом, постарайтесь до рассвета пробраться домой».

Я вскочил. И отправился. Перейдя Певческий мост, двинулся по левому берегу Мойки. Начинало светать. Все было благополучно, пока я не добрался до Марсова поля. Когда, следуя по его краю вдоль Мойки, я приближался к Летнему саду, меня обогнал грузовик с вооруженными рабочими. Они кричали. И вдруг на ходу открыли стрельбу. Вокруг меня засвистали пули, но не от грузовика. Он стрелял вверх и в сторону. Очевидно, откуда-то стреляли по грузовику. По-видимому, из Инженерного замка. Я не помню, как пробежал по мосту через Фонтанку и, обогнув Соляной городок, свернул с Пантелеймоновской в Соляной переулок. На Пантелеймоновской стреляли. Появились вооруженные солдаты. Везде по пути на мостовой валялись расстрелянные ружейные патроны. Вышел на Гагаринскую. Пошел по Сергиевской. Она была пустая. Рассветало. Передо мною шел солдат и бессмысленно, не целясь, стрелял время от времени вверх. С Моховой пробежали люди, неся не то убитого, не то потерявшего сознание раненого. Пересекая Литейный, я увидел на месте окружного суда его развалины. Зияющие пустыми окнами разрушенные стены. Следы погрома и пожарища. Во всю ширину проспекта жерлами к Невскому были поставлены пушки, и вокруг них копошились солдаты. Слышалась ружейная и пулеметная стрельба. Еще про-

несли не то убитого, не то раненого. По Сергиевской до ее конца у Таврического сада я дошел, не натываясь более на стрельбу. Оттуда по Потемкинской добрал до дому. Дома все было благополучно. От волнений перехода я чувствовал себя разбитым и ощущал озноб. Из любопытства измерил температуру. *Оказалось, она поднялась до 39 гр<адусов>. Часа через два опустилась до нормальной.*

Перед моими окнами, направляясь через Потемкинскую к Таврическому дворцу, дефилировали воинские части. Шли приветствовать Государственную думу. Прошел, между прочим, Гвардейский экипаж. Во главе его верхом на лошади ехал командир вел<икий> кн<язь> Кирилл Владимирович¹⁰. Шли отдельными кучками солдаты, ведя в Думу арестовывавшихся ими сановников и генералов. Провели соседа, жившего по Кирочной через два дома от нас, члена Государственного совета Алексея Борисовича Нейдгардта. Как потом рассказывали, солдаты врываются в квартиры и кого арестовывали, а кого и приканчивали. Беспощадно убивались всякие жандармские и полицейские чины. О городских, стрелявших из пулеметов, и говорить не приходится. Они были все растерзаны солдатами. Но не было пощады и таким городским, которые не были причастны к стрельбе из пулеметов. И их уничтожали. Большую партию расстреляли на Неве, на льду. Тела бросили в прорубь.

Среди дня раздались выстрелы у нас во дворе. Из кухни с плачем и воплями выбежали кухарка и горничная. Сообщили, что солдаты расстреливали и рубили шашками откуда-то вытащенного городского.

Несколько погодя другие солдаты ворвались к нам. Требовали «генерала». Схватили меня. Держали уже за плечи. Не растерявшись, я им заявил, что если они ищут военного генерала и принимают за такового меня, то ошибаются. Взял из письменного стола свой паспорт и дал им прочесть, что по части чинов я значусь действительным статским советником, а не генералом. Один из солдат, по видимому, старший ^ав прибывшей группе^а, прочитал паспорт и, обратившись к товарищам, подтвердил, что правда, я «какой-то советник», а не генерал. Солдатские руки, сжимавшие мне плечи, разжались. Порядка ради солдаты поискали в квартире, не скрывается ли где какой-либо подлинный генерал, и, не найдя, ушли. Выяснилось, что навела солдат на меня швейцариха. Солдаты с угрозами требовали от ее мужа и от нее показать, в каких квартирах живут в доме генералы. Генералов в доме не было. Солдаты настаивали. Швейцариха со страху указала на меня. Мне приходилось иногда выезжать из дому в форменной одежде. А камергерское пальто было снабжено *продольными* погонами *золотого шитья с пришитым к ним двуглавым орлом*. По чину и должности отвороты пальто были красного сукна. Красные отвороты и погоны являлись в глазах швейцарихи атрибутом генерала. Поэтому она и указала солдатам на меня как на генерала. Пронесло.

К вечеру опять началась стрельба на улицах. Скрываясь от всюду летавших пуль, к нам позвонил незнакомый офицер. Заявил себя приезжим. Просил пустить его к нам переждать, пока стрельба не стихнет. Я ему предложил переночевать у меня в кабинете.

Следующий день, 1 марта, продолжал протекать тревожно. Ожидалось прибытие войск с фронта для подавления революции. Как известно, отправленные части, не дойдя до Петербурга, примкнули к восставшему народу.

^{а-а} Вписано вместо: «среди нагрянувших «эзекуторов»».

2 марта было получено известие об отречении царя от престола в пользу брата, вел<икого> кн<язя> Михаила Александровича. Председателем Совета министров царь назначил председателя общеземского союза князя Львова. 3 марта Михаил Александрович отказался принять власть. Исполнительный комитет Государственной думы назначил Временное правительство. Министром-председателем оставался кн<язя> Львов, и ему вручался портфель министра внутренних дел. Министром иностранных дел назначался Милюков, юстиции — Керенский, военным и морским — Гучков, финансов — Терещенко, земледелия — Шингарев. Небольшие были эти люди: недюжинным был лишь Милюков, совершенно ничтожным — дегенерат Керенский. Но они все-таки прорвались в историю. Остальных, с позволения сказать, министров печальной памяти Временного правительства перечислять не стоит. Еще 27 февраля, одновременно с образованием исполнительного комитета Государственной думы, организовался под председательством Чхеидзе Совет рабочих и солдатских депутатов. После назначения Временного правительства Совет выделил для наблюдения за его действиями особый наблюдательный комитет. Так сконструировалась своеобразно новая власть. Временно в столице наступило успокоение.

4 марта смотритель зданий министерства, демобилизованный вследствие ранения штабс-капитан гвардейского Гренадерского полка Пащенко уведомил меня по телефону, что Павел Николаевич Милюков желает вступить в управление ведомством¹¹. Для этого он просит товарищей министра, директоров департаментов и начальников политических отделов собраться в министерстве завтра к 12 час<ам>. Новый министр предусмотрел и форму одежды. Никакой официальности. Явиться в пиджаках.

Редко приходится наблюдать такое ликующее настроение, какое переживал в эти дни Павел Николаевич. Осуществилась давнишняя его мечта. Он — облеченный доверием народа, авторитетнейший в глазах народа, каким мнил себя в ту пору Милюков, руководитель внешней политики России.

От неисчислимого количества речей, произнесенных в Таврическом дворце непрерывно стекавшимся депутациям, Павел Николаевич охрип. До потери голоса непревзойденного пропойцы или больного горловою чахоткою в последней стадии.

Искрящиеся восторгом глаза. Не сходящая с уст радостная улыбка. Сипота заглушает речь. Уловимы лишь отдельные отрывистые возгласы: «Бескровный переворот. Бурный поток стихийного народного подъема. Входит в спокойное русло. Лишь не стать ему поперек течения. Держаться берегов. Направлять. Не давать вылиться из русла. Перспективы самые радостные!»

Оратор просит «вашего сотрудничества». Мы отдаемся в его распоряжение.

Но я не разделяю оптимизма Милюкова. Я бы еще поверил в его «спокойное русло», если бы новым правительством был провозглашен лозунг окончания войны, выхода из нее России. Ведь главным образом именно этой цели добивался народ и совершившая переворот тыловая армия, помимо целей революционного разрешения вопросов рабочего, аграрного, национальных автономий и др. Выход из войны диктовался всею сложившеюся обстановкою в результате происшедшей революции. Нельзя было, не рискуя новым восстанием, продолжать войну наперекор восставшему против нее народу. И к тому же мы стали лицом к лицу с практической невозможностью продолжать войну.

Для войны нужна армия. Наша же армия в качестве боеспособного фактора перестала существовать с первых дней Февральской революции. Надо было Временному правительству это сознать и с полной откровенностью объяснить и доказать нашим союзникам, которые в обстановке нашей и наших делах сами всегда вообще плоховато разбирались, а в мартовские дни 1917 г. уже и совсем их не понимали. Надо было с ними объясниться и постараться договориться об оформлении наивозможно безболезненного для сторон прекращения Россией военных действий.

До усвоения этих элементарных истин наша ставшая правящею общественность не поднялась. Не выработав собственной программы внешней политики, общественность эта в поисках ее долгие годы беспомощно плелась в хвосте императорского правительства. Была загнипнотизирована его политическим курсом. В вопросе о войне гипноз продолжал поработать политическую мысль наших общественников и после того, как с Февральской революцией они оказались призванными к власти.

В частности, Милюков не только не прозрел в своем отношении к войне, которую желал продолжать во что бы то ни стало, в преемственность павшему императорскому правительству, «до победного конца», до овладения Константинополем и проливами, но еще оказался и совершенно неспособным разобрататься в создавшейся общей революционной обстановке. В доведших его до хрипоты речах в Таврическом дворце, произнесенных ранее последовавшего вскоре провозглашения республики, Милюков намечал конституционную монархию с сохранением династии Романовых¹². Диктовавшее подобные выступления Павла Николаевича в такой неподходящий момент политическое его ослепление, граничившее с потерей разума, всего менее внушало доверия к прогнозам нового министра.

Недалеко, впрочем, ушел от Милюкова по части оптимизма и не очень мудрый председатель Совета министров князь Львов. Близкий к нему Григорий Трубецкой (эвакуированный из Сербии наш последний посланник в Белграде) рассказывал, что Львов впал в эти дни в совершенно экстагическое состояние. Вперив взор в потолок, он проникновенно шептал: «Боже, как все хорошо складывается!.. Великая, бескровная...».

После речи Милюкова, обращенной к начальникам отдельных частей ведомства, я распорядился вызвать повестками моих сослуживцев в министерство, и со следующего дня прерванная событиями наша работа возобновилась.

Пришлось заняться в первую очередь, сверх обычных текущих дел, инструктированием наших заграничных установлений в отношении изменений в отпавлении их деятельности, вызывавшихся установившимся новым строем.

Вслед за тем Милюков распорядился организацией, через посредство наших заграничных дипломатических и консульских установлений, широкой помощи политическим эмигрантам и возвращению их в Россию. Назначались пособия для водворения на родину. В отдельных случаях посылались персональные приглашения. Потребовалось испрошение специальных кредитов. Для соображения их размеров я созвал междуведомственное совещание под моим председательством при участии представителей успевших вернуться в Россию эмигрантов и делегатов Совета рабочих и солдатских депутатов. Кредиты удалось провести в спешном порядке и без урезок против сумм, намеченных совещанием.

* * * * *

Меня как-то посетил в министерстве член Государственной думы, вошедший в образовавшийся по случаю революции исполнительный ее комитет¹³, Евграф Петрович Ковалевский. Он мне поведал о не оправдывавшем оптимизма Львова, Милокова и К° весьма беспокойном настроении низовых революционных кругов. В завершение победы революции, для ее укрепления, после уничтожения полицейских чинов, жандармов и охранников, эти круги будто бы настойчиво требовали поголовной резни остальных презумптивно не сочувствовавших перевороту элементов — капиталистов, заводчиков, помещиков, крупных домовладельцев, представителей высшего военного командования и чиновничьих верхов. По слухам, готовилась Варфоломеевская ночь, ставшая навязчивою идеею фанатиков революции. Намечались будто отряды истребителей. Город был между ними поделен на соответствующие участки.

* * * * *

Н. Н. Покровский не успел еще выехать из казенной квартиры министра иностранных дел, куда, впрочем, вовсе, по-видимому, не собирался въезжать П. Н. Милоков. Я частенько заходил к Покровским. У них скрывался панически боявшийся ареста последний царский министр земледелия А. А. Риттих. Правда, многие бывшие министры и другие сановники были арестованы, но из числа наиболее одиозных — Штюмер, Курлов, Сухомлинов, Маклаков, Протопопов и т. д. Покровского, не принадлежавшего к числу не только наиболее одиозных, но и просто одиозных, а наоборот, пользовавшегося симпатиями и доверием общественных кругов, вовсе не трогали. Риттиху также не следовало бояться ареста. Не приходилось ему поэтому трепетать. Министр без году неделя, он не успел навлечь на себя народного гнева.

* * * * *

Была образована Чрезвычайная следственная комиссия по преступлениям ответственных представителей низвергнутой власти. От нее приезжал кто-то допрашивать нашего смотрителя зданий, не увез ли с собою, оставляя министерство, какое-либо казенное имущество Б. В. Штюмер. Припомнилось, очевидно, как он вывез обстановку казенной квартиры директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел, когда был назначен с этой должности в Государственный совет. В Министерстве иностранных дел Штюмер, как оказалось, оставил все на месте¹⁴.

* * * * *

Вскоре Покровские переехали на частную квартиру на углу Воскресенского и Захарьевской. Николай Николаевич был устроен банковскими кругами председателем совета Сибирского банка.

Так как Временное правительство никакого доверия мне не внушало и поэтому работать с ним мне было не по душе, то и я со своей стороны задумал устроиться в каком-нибудь банке. Предпринял соответствующие шаги через Покровского. Николай Николаевич вскоре мне сообщил, что вопрос обо мне обсуждался банковскими заправилами, и при оказанной мне поддержке видного банковского деятеля Л. Ф. Давыдова, бывшего директора кредитной канцелярии, было принципиально решено взять меня, насколько я помню, в Русский для внешней торговли банк, но не сейчас, а погодя. «Банки, — объяснил мне Покровский, — заинтересованы в укреплении Временного правительства. Старшим должностным лицам правительственного аппарата следует помочь правительству укрепиться. В этом отношении немедленный уход кого-либо из них со службы представляется нежелательным. Когда же правительство окрепнет, вас возьмут в банк».

Директором Второго департамента министерства был в ту пору барон Б. Э. Нольде, доктор и профессор международного права, состоявший в партии кадетов и находившийся с некоторого времени по делам партии в близких отношениях к П. Н. Милюкову.

Второй (после Нератова) товарищ министра А. А. Половцов жаловался как-то мне на проявляющуюся Милюковым натянутость отношений к нему, Половцову. Вскоре Половцов спросил Милюкова, не имеет ли Милюков что-либо против своего сотрудничества с ним. Милюков ответил: «Не скрою. Нам (следует читать: кадетам) хотелось бы видеть на вашем месте барона Нольде, с которым нас сблизила установившая наибольшую взаимность понимания совместная партийная работа. Какую вы пожелали бы иметь компенсацию?» В ту пору у нас имелась вакансия посла в Мадриде, посланников в Швейцарии, Португалии и Бразилии, и только что перед тем нам телеграфировал посол в Вашингтоне Ю. П. Бахметев о сложении им своих полномочий вследствие происшедшего переворота¹⁵. Должности послов, стоявшие выше должностей посланников и много лучше оплачивавшиеся, представлялись настолько крупными в иерархии государственных постов, что этих должностей добивались и министры, и даже председатели Совета министров. Обычно же назначались послами особо заслуженные и видные посланники. Послы аккредитовывались для представительства только в великих державах. В остальные назначались посланники. Из министров в последние годы существования империи попали в послы: министр юстиции Н. В. Муравьев (в Рим) и министры иностранных дел А. П. Извольский (в Париж) и С. Д. Сазонов (в Лондон). Добивались попасть в послы и не попали председатели Совета министров С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов. А. А. Половцов, хотя был товарищем министра всего приблизительно с полгода, а раньше состоял только чиновником особых поручений ведомства, и то сверх штата, решился при наличии вакансий посланников просить Милюкова провести его на должность посла в Мадриде. Она была менее видною и несколько ниже оплачивалась должности посла в Вашингтоне. В выборе Мадрида выразилась, таким образом, «умеренность» претензии Александра Александровича.

Когда он мне поведал о своем разговоре с Милюковым, я не удивился высказанному им пожеланию. Не удивителен сам по себе запрос. Было бы с чего уступить. С другой стороны, Половцов уже один раз скакнул выше нормально принятого. Захотелось выше нормы взвиться еще раз. В конце концов, нормальнее попасть в послы из товарищей министра, прослужив хотя бы и всего полгода в этой долж-

ности, нежели быть назначенным товарищем министра из чиновников особых поручений. Но чего я не ожидал, так это того, что Милоков без малейших колебаний согласился на просьбу Половцова, пообещав ему провести его в послы.

Известный в свое время журналист Меньшиков как-то назвал в одном из своих фельетонов Павла Николаевича «богом бестактности».

Это чересчур сильно сказано. Но действительно нетактичным, в результате совершенного непонимания обстановки и неумения разобраться в ней, явилось внесение Милоковым в Совет министров предложения о назначении Половцова послом. После революции! Его, Половцова, представителя крупной помещной и финансовой буржуазии, да еще оказавшегося ставленником Штюмерера и к тому же не имевшего достаточного подготовительного стажа к испрашивавшемуся посту!

Совет министров, оберегая Павла Николаевича, не дал ему довести его бестактности до конца. Совет провалил назначение Половцова послом, не войдя в обсуждение вопроса о предоставлении ему компенсации за увольнение с должности товарища министра. А на последнюю должность назначил барона Нольде¹⁶.

* * * * *

Директором же Второго департамента на место Нольде был назначен возвратившийся после Февральской революции из эмиграции «политико-экономический философ» и «крамольный газетир» Петр Бернгардович Струве¹⁷. Он считался знатоком истории революций, хотячею справкою всяческих прецедентов в области революционного движения. Мы от него ожидали компетентного прогноза предстоявших событий в завершение Февральской революции.

Тучный человек с большою рыжей бородою веером, в очках в золотой оправе, тяжелый, медлительный в движениях, Струве обликом своим, манерою держаться являл образ маститого, хорошо упитанного архиерея.

Чиновники Второго департамента организовали на кооперативных началах завтраки в здании министерства. Участвовать в этих завтраках были приглашены: я, как бывший в мои молодые годы чиновник этого департамента, и Струве, как актуальный его директор. Таким образом, я ежедневно встречался с Петром Бернгардовичем. И сажали нас за завтраком рядом.

Я использовал каждый завтрак для расспросов Струве о том, какие, по его мнению, нам предстоит пережить этапы революции. Смущали не только беспочвенный оптимизм и оторванная от жизни книжность Милокова и Львова, но и с каждым днем все более выяснявшаяся неспособность Временного правительства дать народным массам то, чего они добивались, сваливая монархию. Мир? Временное правительство и не думало прекращать войну. «Война до победного конца». Лозунг павшего императорского правительства. Рабочий вопрос, аграрный, национальностей? О них одни слова, а реальных шагов к их разрешению никаких. «Вот будет созвано Учредительное собрание. Оно и разрешит все вопросы». Но и к созыву Учредительного собрания Временное правительство не умело действенно подойти. Сочинялось, очень не спеша, положение об Учредительном собрании. Работала какая-то специфически бюрократическая комиссия. По-видимому, «горемыкинского» типа. Была видимость работы. О результатах

же ее не было слышно. Намечались какие-то сроки. Потом они отодвигались¹⁸. Все это было нехорошо. И, мыслилось, грозило новыми потрясениями.

Однако Струве весьма авторитетно утверждал, что время революций миновало. Все дальнейшее разрешится эволюционным путем.

Когда я это услышал от Струве в первый раз, то мне казалось, что я не так его понял. Ослышался. Хотелось проверить себя. Поэтому за следующим завтраком и еще за следующим я вновь и вновь пытал Струве. И всякий раз авгур изрекал: «Нет больше места революции. Мыслима только эволюция».

Отрицавший революцию эволюционист вскоре, однако, весьма поспешно и очень заблаговременно бежал перед надвигавшеюся Октябрьскою революциею.

* * * * *

Неминуемость новой революции стала ясна с приездом в Петербург В. И. Ленина, имевшим своим последствием оживление деятельности партии большевиков.

К этому моменту определенно сказалась абсолютная никудышность Временного правительства. Бессмысленное его упорство продолжать войну во что бы то ни стало при невозможности воевать и импотенция власти во всех прочих отношениях привели к открытому недовольству масс и чудовищному росту хозяйственной разрухи.

Никудышностью своею и упорством Временное правительство толкало от себя массы к отрицавшим его идеологию противоречиям. Инертно отстаивавшемуся правительством буржуазно-капиталистическому строю с войною противостал пропагандировавшийся большевиками коммунизм без войны. И перед квалифицированным бессильем поднималась большая темпераментная сила. Торжество ее являлось вопросом дней.

* * * * *

Наиболее прозорливым людям из числа боявшихся большевиков стало не по себе. Началось постепенное бегство за границу. Впал, между прочим, в панику думский трибун Василий Алексеевич Маклаков. Милюков как-то говорит мне: «Изнервничался Маклаков. Хочет ехать за границу. Не придумаете ли ему какую-нибудь командировку?» Я отвечал: «Распорядитесь причислением Маклакова к ведомству. Тогда его можно будет послать на усиление какого-нибудь заграничного поста или на ревизию консульств». Разговор этот не имел тогда последствий. Почти накануне Октябрьской революции Временное правительство, уволив Извольского, назначило Маклакова послом в Париж. Он бегал ко мне за оформлением его назначения и испрошением средств на выезд. Успел уехать. Так мне пришлось снарядить за границу нескольких думских деятелей для замещения вакантных должностей послов и посланников: великолепного длиннобородого Стаховича — послом в Мадрид, гориллоподобного Ефремова — посланником в Швейцарию и т. д. Издрожался и предшественник мой по должности директора сенатор В. Я. Фан дер Флит. Он просил прикомандировать его к ведомству с отправлением за свой счет в Копенгаген для работы в тамошней нашей

миссии по информированию местной прессы. Удалось исполнить его желание. Люди стремились получить для отъезда за границу служебные назначения и командировки из-за достигших крайней остроты затруднений с валютой.

* * * * *

Временное правительство снаряжало чрезвычайную миссию в Северо-Американские Соединенные Штаты. Возглавлялась она вновь назначенным послом в Вашингтоне неким Бахметевым, выкопанным из недр торгово-промышленной общественности, однофамильцем самоувелившегося императорского посла Бахметева. Мне пришлось спешно организовать эту миссию, оформить ее учреждение законодательным актом и испросить для нее потребные кредиты¹⁹. Бахметеву, помимо секретарей посольства, понадобился специальный секретарь для чрезвычайной миссии. Нератов и новый (после Шиллинга) директор канцелярии министерства Татищев выдвинули кандидатуру очень молодого и не в меру развязного чиновника ведомства лицеиста Сукина. Я мог ему предложить лишь бывшую в то время вакантную должность секретаря миссии в Мексике с откомандированием в распоряжение Бахметева, так как специального штата для чрезвычайной миссии ввиду временного ее характера не намечалось. Сукин явился ко мне и повел речь о том, что назначение секретарем миссии его не удовлетворяет. Он претендует на должность первого секретаря посольства. Считая, что до этой должности он не дорос, за совершенно ничтожным его служебным стажем, при отсутствии особых дарований и заслуг, и не имея к тому же свободной вакансии первого секретаря, я настоятельно посоветовал Сукину удовольствоваться предложенной должностью. Не склонен думать, что я недооценил Сукина. Никак не могу понять, как мог недолгое время спустя Колчак назначить Сукина министром иностранных дел своего колчаковского правительства.

* * * * *

Оставалась у нас незамещенной должность посланника в Лиссабоне. На нее просился мой бывший начальник, которому я всегда симпатизировал, бывший товарищ министра иностранных дел, сенатор Владимир Антонович Арцимович. Милюков, хорошо зная Арцимовича по совместной работе в бюджетной комиссии Государственной думы по смете Министерства иностранных дел, охотно согласился на проведение его на должность посланника. Я предложил по телеграфу поверенному в делах в Лиссабоне испросить полагавшийся *agrément*^a португальского правительства на назначение Арцимовича. Ответа долго не приходило. Арцимович, наведывавшийся ко мне узнать о результате сношения, начал волноваться. Я вторично телеграфировал. Ответа все нет. Арцимович высказал мне подозрение, что ответ получен неблагоприятный, и я, не желая его огорчать, этот ответ от него скрываю. Наконец ответ пришел, и, что представилось совершенно неожиданным, настолько подобные случаи были редки, ответ оказался действи-

^a Согласие (фр.).

тельно неблагоприятным. Португальское правительство высказалось против Арцимовича без приведения причин. Мотивировки я до октябрьских дней так и не успел добиться. Вакансия посланника осталась незамещенной. Арцимович был очень огорчен. Задумал проситься посланником в Бразилию. Но был упущен момент. Милюков был накануне ухода.

* * * * *

В марте Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил воззвание к трудящимся всего мира, в котором заявлял, что русская демократия будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов. Другие народы призываются последовать примеру русской демократии, немедленно начав борьбу против захватных стремлений своих правительств, не оставиваясь перед их свержением. Тогда общими усилиями удастся положить конец мировой войне²⁰.

Совет, таким образом, провозгласил лозунг мира, хотя и не сепаратного — такого, который немедленно вывел бы Россию из войны — но общего, не так-то легко и скоро достижимого. Все-таки вопрос о мире оказался поставленным на очередь. Для масс это на первый взгляд представлялось началом выхода из тупика.

Временное правительство, поставленное в необходимость так или иначе реагировать на манифест совета, опубликовало компромиссное заявление о целях войны. Война до победного конца — по-прежнему. Но с оговоркою. Целью «свободной России» объявлялось «не господство над другими народами, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»²¹.

Отказ от захватной политики объявлялся, таким образом, принятым Временным правительством. Он истолковывался массам в качестве залога скорого окончания войны, поскольку с русской, по крайней мере, стороны исключались неприемлемые условия мира.

Акт совета смутил союзников. И не разъяснила их сомнений декларация Временного правительства. Милюкову пришлось взяться за успокоительное разъяснение, которое он и попытался дать в составленной по этому случаю специальной ноте союзным правительствам. В этой ноте, представлявшей собою затемнявший ее смысл набор трескучих фраз, Милюков главным образом напирал на неизменность соблюдения Временным правительством обязательств, принятых Россией по отношению к союзным державам. Об отказе от аннексий в ноте не упоминалось, равно как о создании таких условий, которые могли бы повлиять на скорейшее окончание войны²².

Массам нота Милюкова не понравилась. Указывалось на ее расхождение с воззванием совета и даже с декларацией Временного правительства. Петербург заволновался. Происходили митинги. Организовывались демонстрации. Имели место столкновения между не сочувствовавшими Временному правительству и поддерживавшими его манифестантами. Дело дошло до кровопролития.

Дня через два после отправления ноты кто-то, не назвавший себя, сообщил мне в министерство по телефону, что вышли из казарм части полков и направляются к нам на Дворцовую площадь «снимать» Милюкова. Я пытался разыскать

Павла Николаевича. В министерстве его не оказалось. И куда я ни звонил, мне нигде найти его не удалось. Я решил пройтись навстречу манифестации. Вышел с Дворцовой площади на Морскую. Дойдя до Мариинской площади, увидел там толпы народа и военные части с плакатами. С грузовика держал «успокоительную» речь депутат Скобелев. Некоторые воинские части разошлись. Другие пошли на Дворцовую площадь и, остановившись перед подъездом министерства, требовали Милюкова. Вышел Нератов. Ему вынесли стул. Он стал на него *ногами*. Что-то говорил. Ничего, в сущности, не разъяснил. Все-таки сошло. Солдаты и сопровождавшие их группы народа удалились.

Однако нота Милюкова свалила его. Через несколько дней он ушел. Ранее его выхода из состава правительства сложил с себя обязанности военного и морского министра Гучков²³.

* * * * *

Не понял Павел Николаевич революции. По-видимому, он ее мнил себе лишь как смену верховной власти и образование правительства, ответственного перед народом, с сохранением *tels quels*^a аппарата власти, его персонала и даже императорской программы, в области, по крайней мере, внешней политики. Книжник, теоретик был Милюков, оторванный от жизни. Человек мысли (хотя и скованной книжностью), человек свободно лившегося слова, человек пера. Но не дела! Не государственный человек!

* * * * *

Для Милюкова оказались приемлемыми, не говоря о низовом составе дипломатического ведомства, все царские послы, посланники и начальники отдельных частей центрального аппарата министерства. Пришлось уйти при Милюкове лишь Половцову. И то только потому, что он стоял на пути кадета барона Нольде. Очень оберегал Павел Николаевич Сергея Дмитриевича Сазонова.

Незадолго перед революцией Сазонов был назначен царем послом в Лондон. Но он все медлил <с> отъездом. Не отбыл к посту до переворота и продолжал медлить после него. Памятуя предложенную в свое время Сазоновым думским парламентариям чашку чая и последовавшее сближение Сазонова с Думою, особенно с кадетскою ее фракцией, Милюков всячески старался сохранить за Сазоновым его посольский пост. А для этого побуждал его поскорее выехать в Лондон, опасаясь, что дальнейшие промедления Сазонова могут ему повредить у Временного правительства. Так как помимо законодательных, бюджетных дел и общих вопросов министерства я ведал и делами личного состава, то был послан как-то к Сазонову Милюковым уговаривать Сергея Дмитриевича ускорить свой отъезд. Дальнейшие промедления были для него рискованны, так как дело происходило после эпопеи с апрельскою нотою союзникам и предстоял уход благорасположенного к Сазонову Милюкова. Сазонов проживал в ту пору в Ев-

^a Такого как есть (фр.).

ропейской гостинице, куда я и направился и где застал Сазонова. «Знаю, знаю, зачем вы пожаловали, — заговорил, здороваясь, Сергей Дмитриевич. — Торопить меня с отъездом?» Я подтвердил его догадку, указав на рискованность дальнейших промедлений. «Вы правы, — признал Сазонов, — но очень не хочется ехать. Скажу откровенно, я побаиваюсь. Предстоит морской переезд из Бергена. И, я уверен, немцы попытаются меня потопить. Уж очень они меня недолюбливают». Поговорили о событиях, о министерстве. Когда я уходил, Сазонов мне сказал: «Передайте Милюкову и нашим общим друзьям в министерстве, что я все-таки преоборю свои страхи и выеду на днях». Больше я <с> Сазоновым не встречался. Он еще помедлил. Наконец, собрался. Даже сел в вагон на Финляндском вокзале. Но перед самым отходом поезда прибыл посланец Временного правительства передать Сазонову, чтобы он не беспокоился выездом. Он уже не посол. Сазонов остался. Погодя отправился в Крым.

* * * * *

После ухода Милюкова преемником ему был назначен молодой министр финансов Временного правительства Михаил Иванович Терещенко, при ближайшем знакомстве выказавший себя человеком не просто молодым, а избыточно молодым — моложе своих лет. Временно за ним был сохранен и портфель финансового ведомства. Вскоре, однако, этот портфель был передан от него А. И. Шингареву²⁴.

До появления Терещенки в нашем министерстве я не встречался с ним. Узнал о его существовании впервые, когда он был назначен министром финансов Временного правительства. Поинтересовался, кто он, откуда взялся и почему назначен министром, не принадлежа к составу Думы, из которой преимущественно укомплектовалось Временное правительство. Мне рассказали (за что купил, за то и продаю), что Михаил Иванович — отпрыск богатой семьи сахарозаводчиков Терещенков. Недурно образованный, хорошо воспитанный, неглупый молодой человек, живого темперамента. Служил по ведомству императорского двора чиновником особых поручений дирекции императорских театров. Мечтал о камерюнкерстве. Но его не получил. Обиделся. Оставил службу. И пожертвовал миллион рублей на революцию. Сделался ярким оппозиционером царскому правительству. Настойчиво пропагандировал замышлявшийся перед революцией дворцовый переворот.

Вступая в управление ведомством, Терещенко просил собрать служащих. Объявил, что будет держать им речь. Собрались в колонном зале квартиры министра. Молодой министр долго не выходил. Я пошел вытащить Терещенку из его служебного кабинета, где застал его бегавшим взад и вперед, дозубривавшим шпаргалку. Порывистый в движениях, немножко взволнованный ввиду предстоявшего выступления, он и из кабинета не вышел, а выбежал в зал и, не останавливаясь, на ходу начал выпаливать свою шпаргалку, перебегая с места на место вдоль вытянувшейся шеренгой группы многочисленных служащих. Впереди стали министерские барышни, пополнявшие преимущественно временные отделы министерства, образованные по случаю войны, — отдел пленных, отдел нежных переводов лицам, застигнутым войною в неприятельских странах и т. д.

Выходило, что Терещенко обращается именно к барышням. Он горячо убеждал их продолжать войну. Предупреждал: «Кто против войны, тому не по пути с нами». Этот лейтмотив немудреной и нескладно сколоченной речи он повторял чаще, чем следовало для ее успеха, и на нем и оборвал свое слово, в последний раз разбежавшись от внутренней боковой стены колонного зала к одному из его многочисленных окон.

Острили, будто Терещенко по ошибке захватил для своей речи шпаргалку Керенского, только что перед тем получившего портфель военного и морского министра и в эпилептических выкриках призывавшего к наступлению войска примерно в тех же выражениях²⁵.

* * * * *

Последнюю искоркою потухавшего пожара вспыхнуло, чтобы тотчас погаснуть, частичное наступление, поведенное несколькими лишь полками. Оно было плачевно отбито. Мы понесли большой урон²⁶.

Войска не подчинялись приказам командования, самовольно оставляли занятые позиции, бросали оружие, массами сдавались в плен. В тылу запасные батальоны отказывались выступить на фронт.

Оторванные от производительного труда, в контингентах, превышавших потребность, великовозрастные резервисты без толку и без дела шатались по городам. Бородатые, сутулящиеся, в шапках, заломленных на затылок, в скашивавшихся с плеч шинелях внакидку, потерявшие за долгое состояние в запасе всякое военное обличие, они представляли собою праздный уличный сброд. Развлекались ставшим модным в те дни зверским самосудом над карманными ворюжками, до смерти избивавшимися солдатами и стекавшеюся уличною толпою с молчаливою холодною жестокостью. Развал достигал своего апогея.

* * * * *

Присматриваясь к Терещенко, я убедился, что главное свое призвание он видел в том, чтобы служить центром внимания, играть ведущую роль, парадировать и без конца болтать.

В течение всего недолгого пребывания своего у власти, завершившегося арестом 25 октября и последовавшею кратковременною высидкой в Петропавловской крепости²⁷, Терещенко развлекал себя бесконечными речами. Он переживал упоение власти, стараясь исчерпать доставленное себе удовольствие на весь «пожертвованный» на революцию миллион. Широко раскрыл двери своего министерского кабинета. В него вливалась вся улица. И молодой министр безудержно болтал.

Неимоверно трудно было нам, начальникам отдельных частей министерства, добиться Терещенки, чтобы переговорить о не терпящих отлагательства делах и вырвать от него подпись на срочной министерской бумаге. Он все болтал. И, что любопытно, отнюдь не по подведомственности. Голова его была менее всего занята ведомственными вопросами. Он плохо вникал в них. Сосредоточил свою стремительную суетливость и болтовню преимущественно на вопросах об-

щей политики Временного правительства в целом. Проявлял себя главным образом в качестве члена правительства и очень мало в оставшейся непонятой им роли министра иностранных дел.

* * * * *

С Милоковым ушли из министерства продвинутый им в товарищи министра барон Нольде и им же приглашенный на должность директора Второго департамента отрицавший революцию эволюционист Струве.

На место Нольде Терещенко провел начальника политического отдела Ближнего Востока А. М. Петряева. Возглавлявшийся Струве Второй департамент мне было поручено преобразовать в два департамента: Экономический и Правовой. Реформу я провел через Временное правительство в спешном порядке. Директором Экономического департамента был назначен ставленник Струве, бывший морской офицер Нордман, а директором Правового департамента — основательный знаток международного права, бывший первый драгоман нашего эвакуированного посольства в Константинополе Мандельштам²⁸. Нордман начал с того, что придумал себе заграничную командировку, из которой так и не вернулся. А Мандельштам, бывший во время назначения в отъезде, никак не мог собраться приехать в Петербург. Так и не вступил в должность. Временно управляли департаментами вице-директоры. С упразднением Второй департамент его разделением пришлось переименовать Первый департамент. Под новым названием Департамента общих дел он был частично реформирован — некоторым увеличением штата.

* * * * *

Подожли события 3 июля²⁹. Семья моя проводила лето в Павловске. Я оставался один в занимавшейся мною в ту пору большой квартире на Мойке у Певческого моста через дом от Певческой капеллы. В ночь с 3-го числа на 4-ое под самыми моими окнами раздалась ружейная стрельба. Она была настолько сильная и так долго продолжалась, что я вынужден был среди ночи перебраться ночевать из кабинета, выходящего на Мойку, во внутреннюю детскую комнату, обращенную во двор. Утром пробрался в министерство. Там и завтракал, и обедал. Оставался до позднего вечера. День был очень беспокойный.

Беспорядки Временному правительству удалось подавить. Терещенко ликовал, считая вместе с его «политическими друзьями», что большевики выступили невовремя, не мобилизовав достаточных сил и этим будто бы себя похоронив. На самом деле, как выяснилось впоследствии, большевики только в последнюю минуту согласились возглавить выступление потерявших терпение масс. Партийное руководство в принципе было против июльского выступления, считая его преждевременным. Выступил народ — недостаточно организованно, чтобы одержать победу, именно потому, что отсутствовала подготовка выступления большевиками. Час захвата ими власти еще не пробил. Июльские события, вылившиеся в революционную демонстрацию, являлись лишь пробной мобилизацией передавшихся большевикам революционных сил. Терещенко легкомысленно ликовал.

Петряев, приблизившись к Терещенке, информировался им о мнениях и настроениях Временного правительства. Кадетское правительство к концу апреля — началу мая распалось. Сменило его коалиционное правительство с участием представителей социалистических партий. Но и оно продержалось недолго. После июльских дней наступил правительственный кризис. Министры побросали свои портфели. Ушел и председатель Совета министров князь Львов. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов поручил Керенскому сформировать новый кабинет, под его председательством, по его усмотрению.

«Левеем, — говорил Петряев. — Через все стадии полевения пройдем. Но смотрите, с какой быстротой сменяются эти стадии. Сроки каждой измеряются днями. Придется пройти и через большевиков. Это, по-видимому, неизбежно. Но надолго ли придут большевики? Самое большее — на полтора-два месяца! Потом маятник откатнется вправо. Россия сумеет найти средний, здоровый путь».

Петряев был неглупый человек. И, тем не менее, как неосновательны были его суждения! Как плохо разбирался он в обстановке! Чего же было ожидать от преобладавшего неумного большинства правившей в ту пору общественности?

* * * * *

Министерская чехарда последних месяцев царского режима бледнеет перед свистопляскою «министров» (с позволения сказать) Временного правительства³⁰. Проносилась лавина политических акробатов. Сколько их? Куда их гонит? Министром было легче сделаться в эти дни, чем помощником столоначальника. Лезли и пролезали в министры, правда, на самые короткие сроки, из многочисленных и разнообразных питомников «политических деятелей» того удивительного времени все, кому только было не лень. Временное правительство обратилось в проходной двор, в ярмарку в огромном большинстве тщеславных, но сугубо немогущих бездарностей. Как редки были исключения! Да и они? Если можно было признать за кем относительные таланты, то в какой угодно области, только не государственного управления. Немудрено, что немного сохранилось в памяти имен этих пытавшихся засорить собою историю политических банкротов.

Припоминаются забавные строки журналиста из доцентов Пиленки в его заметке, описывавшей Московское государственное совещание, созванное Временным правительством³¹. Пиленко останавливается на выступлении неведомой ему бездарности, говорившей после Керенского. «Кто это, кто?» — спрашивает Пиленко соседа. Сосед отвечает: «Министр внутренних дел Авксентьев». Пиленко трагикомически заключает в своей реляции: «В России все возможно!» Да, был возможен «министр внутренних дел Авксентьев»! Пиленко мог бы, однако, с большим еще основанием заключить, что в России все возможно, отметив то поистине поразительное обстоятельство, что в те самые дни возглавляло Россию, правило ею воплощенное ничтожество, жалкое и гадкое, в лице эпилептического выродка Керенского.

Призывались в то время никому не ведомые люди, без имени, без прошлого не только на министерские посты, но и к требовавшим специальной подготовки ответственным должностям аппарата государственного управления.

Как-то под конец присутственного дня в министерстве входит ко мне курьер и, сквозь усы улыбаясь, сообщает, что пришел «португальский посланник». Про-

сит его принять. Я поспешил распорядиться ввести посетителя ко мне в кабинет. Входит лицо, всего менее похожее на ожидавшегося мною лощеного иностранца. Что-то свое, родное и отнюдь не лощенное, не петербургское даже, а степное, провинциальное, притом обветшалое, изношенное, траченное, от усталого вялого лица до плохого сюртучишки и нечищенных сапог. Здоровается по-русски. Называет, как полагается, неясвенно какую-то русскую фамилию. На мое стереотипное: «Чем могу служить?» — рассказывает, что встретился у каких-то общих знакомых с Терещенкой, и тот будто предложил ему вакантную должность нашего посланника в Португалии. Он помещик, земец. На государственной службе не состоял и не состоит. Отправиться посланником в Португалию не прочь. Пришел осведомиться, состоялось ли его назначение и какие следует ему со своей стороны предпринять шаги. Хотя мера легкомыслия Терещенки была уже хорошо мне известна, я все-таки немало подивился в душе, как это министр, хотя по его проявлениям и совершенный мальчик, решается предлагать посланнический пост так, с места в карьер, незнакомому ему помещику, никогда не имевшему касательства не только к дипломатической службе, но и к какому-либо делу, имеющему хотя бы отдаленное отношение к дипломатии. Я отвечал, что о сделанном моему посетителю предложении Терещенко не обмолвился мне ни единым словом. Слышу об этом предложении впервые. Не имея никаких распоряжений, чем-либо со своей стороны распорядиться по этому делу не могу. Рекомендовал посетителю пройти к Терещенке. Посетитель мямлил: «Да я не знаю. Да я стесняюсь. Не были бы вы настолько добры поговорить обо мне с министром?» Я решительно отклоняю эту просьбу, не имея ни малейшего желания содействовать определению на видную, ответственную должность за границею, к вящему нашему посрамлению, совершенно неподходящего, некомпетентного лица. Больше я «португальского посланника» не видел и о нем не слышал. Терещенко не заговаривал со мною о нем. Очевидно, сболтнул. И после устыдился³².

* * * * *

Выступая в роли члена правительства в большей мере, нежели в качестве министра иностранных дел, Терещенко ощущал отсутствие обслуживавшего его общеправительственные выступления специального аппарата. Задумал создать такой аппарат в виде особого отдела министерства. Заведование этим отделом наметил возложить на служившего до войны на младших секретарских должностях за границею молодого чиновника ведомства Муравьева — сына бывшего нашего посла в Риме, а ранее министра юстиции Н. В. Муравьева³³. Муравьев-сын был малосимпатичный молодой человек, страдавший преувеличенным самомнением. Аппарату придумали — Терещенко и Муравьев вкупе — глупое название кабинета министра, сбывавшее мало осведомленных людей на «кабинет (совет) министров». Глупый кабинет было, по счастью, решено организовать в минимальном составе: управляющего, которым назначался Муравьев, и его помощника. На последнюю должность был привлечен один из секретарей эвакуированных наших миссий в бывших федеративных королевствах Германского союза. Пришлось мне повозиться с организацией этого кабинета проведением его учреждения в законодательном порядке. Что творил кабинет, не знаю и этим не интересовался. Вряд ли что-либо путное, ибо, как упомя-

нуто, выступления Терещенки «в качестве члена правительства» все сводились к не прекращавшейся беспочвенной болтовне. Но докучал мне Муравьев обращениями по организации кабинета и снабжению его денежными средствами выше всякой меры. Попыткам его раздуть значение ненужного придатка к ведомству и поднять кабинет в ряду других установлений министерства на неподобающую ему высоту я ходу не давал, всякий раз охлаждая пыл честолюбивого юноши ледяными душами.

* * * * *

«Вечернее время»³⁴ трвило немцев нашего ведомства. И больше других доставалось от газеты начальнику политического отдела Средней Азии В. О. Клемму. Немец он был старательный и лояльный. Но отличался излишнею мягкостью нрава. Донельзя распустил наших консулов в Персии. Это был его грех. Было за что зацепиться для нападков на Клемма. Придя как-то к началу присутствия в министерство, узнаю, что меня ищет по спешному делу Терещенко. «Когда же мы, наконец, уберем Клемма?» — спрашивает с озабоченным видом министр. «Вопрос ваш, — сказал я, — поставлен так, как будто вы говорите со мною об увольнении Клемма не в первый раз. Между тем, я слышу об этом от вас именно впервые. Тем не менее, не позже, как через полчаса, я принесу вам прошение Клемма об отставке». — «Да, это совершенно необходимо; из-за Клемма всех собак на нас вешают», — заметил повеселевший Терещенко. Лишь только Клемм увидел меня входившим в его кабинет, как тотчас догадался о цели моего визита. «Отставка?» — «Да, Василий Оскарович. Не смущайтесь и не печальтесь. Не так-то сладко по нынешним временам с нынешним правительством служить. Все уйдем или нас уйдут. Сегодня ты, а завтра я. Напишите поскорее прошение. Мы успеем вам выхлопотать приличную пенсию». Прошение я Клемму продиктовал. И торжественно отнес Терещенко отставку Клемма.

Клемма ушли. Извольского ушли. Ушел по собственному желанию только что назначенный Временным правительством послом в Мадриде с должности посланника в Стокгольме давний кадровый дипломат Неклюдов, занимавший во время балканской войны должность посланника в Болгарии. Уход Неклюдова был несколько неожиданный. Он с отменным удовольствием принял от Временного правительства свое назначение послом. И не во время управления дипломатическим ведомством Милукова, когда еще не вполне определилась физиономия Временного правительства, а уже при Терещенке, когда каким бы то ни было иллюзиям места уже не оставалось. Именно Терещенко, знакомый с Неклюдовым и его семьею и увлекавшийся в свое время дочерью Неклюдова, провел его назначение послом. И вдруг, вскоре же после переезда Неклюдова в Мадрид, получается от него телеграмма о том, что он слагает с себя свои полномочия, не считая для себя возможным сотрудничать с Временным правительством. С этим жестом Неклюдов опоздал³⁵.

* * * * *

События шли своим чередом. Корниловская эпопея. Окончательный развал фронта. Неслыханный развал в стране. Стремительное падение денежного кур-

са. Необычайное вздорожание продовольствия и предметов первой необходимости. Полный паралич власти. Анархия в провинции. Аграрные волнения в деревне. С падением Риги неприятель угрожает Петербургу. Ведется подготовка к его эвакуации. В сентябре партия большевиков окончательно решает захватить власть в свои руки. Готовится вооруженное восстание.

Успех большевиков представляется мне совершенно несомненным. Они сметут бессильное, ничтожное Временное правительство и захватят власть не позже октября. Я в этом так уверен, что когда заведующий сметною частью министерства предлагает мне подписать для отдачи в печать корректуру согласованного с Министерством финансов и Государственным контролем проекта сметы министерства на 1918 г., то я ему отказываю в подписи, утверждая, что до положенного срока внесения проекта на утверждение Совета министров в ноябре Временное правительство, а с ним многие из нас ни в каком случае не додержатся. Новая же власть, несомненно, пересмотрит смету. Заведующий смутился. «Неужели вы так уверены в неминучести нового переворота?» — «Совершенно убежден».

* * * * *

Стремительно пробежали передо мною, «спасаясь» от большевиков, испросившие себе заграничные назначения наши «общественные деятели» — Маклаков, Стахович, Ефремов.

* * * * *

С утра 25 октября большевистский Военно-революционный комитет, опираясь на организовавшиеся отряды Красной гвардии, примкнувшие к большевикам воинские части и на матросов, начал занимать необходимые ему для целей восстания государственные учреждения и городские устройства. Силы, поддерживавшие Временное правительство, численно уступая революционным, не смогли оказать им эффективного сопротивления.

Вечером ко мне зашел живший в одном доме со мною товарищ министра Петряев в весьма подавленном настроении. Повели беседу о событиях. Как сейчас помню. Сажу за письменным столом. Петряев в кресле сбоку. Было часов десять, одиннадцатый час. И вдруг, совсем близко, будто рядом, грянула оглушительная орудийная пальба. Как впоследствии выяснилось, бомбардировали Зимний дворец артиллерия Петропавловской крепости и крейсер «Аврора». Бум, бум! Петряев горошком скатился от меня к себе этажом ниже. Домашний мой кабинет был обращен окнами через Мойку на задний фасад занимавшегося Министерством иностранных дел правого крыла полуциркульного здания Главного штаба на Дворцовой площади, у самого Певческого моста. Я подошел к окну. По той стороне Мойки, вдоль стены Министерства иностранных дел, цепью, с ружьями на взводе, нагнувшись, пробирались к Дворцовой площади матросы. К пушечной пальбе присоединилась ружейная трескотня, и вторили ей пулеметы. Гремели залпы Петропавловской крепости. И все покрывал мощный орудийный рев «Авроры».